

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(497.1/5)“1929”

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1929 Г. В КОРОЛЕВСТВЕ СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ¹

В. А. Гряник

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, кафедра новой и новейшей истории

Освещены причины государственного переворота 6 января 1929 г. в Королевстве СХС, который заменил парламентский режим открытой диктатурой короля Александра Карагеоргиевича. Проанализировано законодательство, заложившее основы авторитарного строя, раскрыты содержание административно-территориальной реформы и политический смысл изменения названия государства.

Ключевые слова: государственный переворот, королевская диктатура, авторитаризм, интегральный югославизм.

Образованное 1 декабря 1918 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС) в течение первого десятилетия своей истории пребывало в состоянии перманентного кризиса. После смертельного ранения в здании Скупщины лидера оппозиционной Хорватской крестьянской партии С. Радича и убийства двух её депутатов 20 июня 1928 г. политическая система практически перестала функционировать, а межнациональные противоречия поставили страну на грань раскола. Это, собственно, и побудило короля Александра Карагеоргиевича 6 января 1929 г. осуществить государственный переворот, сконцентрировав всю полноту власти в своих руках.

Поднятая нами тема остаётся слабо исследованной в отечественной исторической литературе. Работы советского периода, в частности второй том академической «Истории Югославии»², а также монографии М. М. Сумароковой³ и Д. А. Севьяна⁴ носили тенденциозный характер: государственный переворот, осуществлённый королем Александром, рассматривался как введение военно-фашистской диктатуры. В современной российской историографии глубокий анализ внутривосточного положения первых 10 лет истории Королевства СХС осуществлен А. А. Силки-

---

¹ Рецензент – канд. ист. наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина С. Ю. Страшнюк.

² История Югославии: в 2 т. / Л. Б. Валев, Г. М. Славин, И. И. Удальцов. М., 1963. Т. 2.

³ Сумарокова М. М. Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны, 1929–1939. М., 1980.

⁴ Севьян Д. А. Из истории Союза коммунистов Югославии, 1919–1945. М., 1982.

ным⁵, что освобождает нас от необходимости рассмотрения событий, хронологически предшествовавших режиму личной власти. Процесс установления королевской диктатуры и её основные черты бегло очерчены им на страницах коллективного труда Института славяноведения РАН «Югославия в XX веке»⁶. Из югославских историков наиболее весомый вклад в исследование проблемы внес Т. Стойков⁷, но его труд несёт на себе отпечаток влияния господствовавшей в СФРЮ идеологии и цензуры. Среди сербских авторов выделяется фундаментальное издание Б. Глигориевича⁸, написанное в жанре политической биографии.

Источниковой базой статьи послужили материалы Архива Югославии, в частности фонды «Форин офис», «Двор Королевства Югославия», «Министерский совет», а также югославская периодика того времени и мемуары. Цель работы – выяснить характер и последствия введения нового политического режима в одном из крупнейших балканских государств.

После серии консультаций с ведущими политиками страны⁹ утром 6 января 1929 г. манифестом «Моему дорогому народу, всем сербам, хорватам и словенцам» монарх проинформировал население о замене политического строя и обосновал мотивы, которые подтолкнули его на такой шаг. В его обращении, которое развесили по улицам Белграда, подчёркивалось: «Между королем и народом нет больше посредников»¹⁰. В манифесте также утверждалось: «Парламентаризм начал использоваться партиями в такой степени, что под угрозой оказалась вся плодотворная работа в государстве», а «трагические события и противоречия пошатнули веру народа в полезность этого учреждения». Поэтому король, «озадаченный плачем народа»¹¹, решил защитить от «нездоровой политической ситуации» внутриполитическую жизнь, равно как и имидж государства на мировой арене. Накануне были предприняты все возможные меры для того, чтобы переворот не встретил сопротивления. В первую очередь под контроль была взята пресса: всем журналистам, как югославским, так и иностранным, категорически запрещалось публиковать в негативном ключе материалы о смене режима. Под запрет попали общественные собрания, партийные конференции; полиция получила приказ арестовывать всех, «кто мог бы нарушить порядок и спокойствие»¹².

---

⁵ Силкин А. А. Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре. 1918–1929 гг. СПб, 2008.

⁶ Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011. С. 265–269.

⁷ Stojkov T. Opozicija u vreme љestojanuarske diktature. Beograd, 1969.

⁸ Глигорјевић Б. Краљ Александар Карађорђевић. Српско-хрватски спор. Београд, 2002; *Его же*. Краљ Александар Карађорђевић. У европској политими. Београд, 2002.

⁹ Политика. 1929. 4 јануар; Архив Југославије (АЈ). Фонд 335 (Војислав Јовановић-Марамбо). Фасцикла 18.

¹⁰ Pavlović K. S. Vojislav Marinković i njegovo doba (1876–1935). London, 1955. T. 2. S. 36.

¹¹ Službene novine Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. 1929. 6 јануар.

¹² Љбарас Н. Успостављање љестojануарског ређима 1929. године са посебним освртом на Босну и Херцеговину. Сарајево, 1975. С. 146.

Главной целью своих действий Александр Карагеоргиевич провозгласил «защиту народного и государственного единства и целостность страны», призвав всех граждан к «поиску иных методов и строительству новых путей» выхода из кризиса, чтобы «в кратчайшие сроки создать такие учреждения, такую государственную администрацию и такой строй, которые бы лучше всего отвечали нуждам народа и интересам страны»¹³. Современники тех событий отмечали, что день переворота был выбран не случайно, так как на Рождество большинство газет не выходило, соответственно не могла мгновенно разгореться полемика в печати¹⁴.

О причинах, которые побудили «взять на себя всю ответственность», король рассказал в интервью французскому журналисту Ж. Соэрвену, акцентируя тот факт, что «государственная машина перестала функционировать», поэтому ради спасения страны от анархии он решил «на некоторое время взять власть в свои руки». «Удачное или нет мое дело, за него я лично отвечаю, но провал невозможен, когда со мной весь народ». Монарх подчеркнул временность нового курса, пообещав после «периода, посвящённого исключительно работе» и установления «жизнеспособного режима», вернуться к «истинной демократии и парламентаризму»¹⁵. Своему близкому другу патриарху Гаврилу Дожичу Александр объяснял свои действия следующим образом: «Не смог найти никакого решения. Была возможность ампутировать Хорватию или отказаться от конституции и ввести “Шестое января”... Моим желанием было обессилить региональный шовинизм, разрушавший народное и государственное единство... С тяжёлым сердцем я ввел режим Шестого января»¹⁶.

Провозглашение нового строя влекло за собой принятие соответствующей законодательной базы, которая, по словам британского посла в Белграде Г. Кеннарда, должна была окончательно сконцентрировать всю полноту власти в руках Александра¹⁷. Законы о королевской власти и верховной государственной администрации, принятые в тот же зимний день, подтвердили в КСХС наследственную монархию, где король из династии Карагеоргиевичей – носитель абсолютной власти, в том числе единоличный представитель её законодательной ветви, единственный субъект суверенитета и главнокомандующий армии. Монарх назначал чиновников высокого ранга и военных командиров, его же личность была неприкосновенной и не подлежала обсуждению¹⁸. Исполнительно-правовой аппарат был жёстко централизован и вертикально сориентирован, а правительство превратилось в надзирательную инстанцию для исполнения приказов короны. Устранялись все органы представительской демократии: была распущена Народная Скупщина и прекращено действие конституции 1921 г. В здание

¹³ *Казимировић В.* Србија и Југославија, 1914–1945. Крагујевац, 1995. Књ. 2. С. 441.

¹⁴ АЈ. Фонд 371 (Foreign office – FO). Ролна 389. 13706.

¹⁵ Политика. 1929. 17 јануар.

¹⁶ Мемоари патријарха српског Гаврила. Београд, 1995. С. 57.

¹⁷ АЈ. Фонд 371 (FO). Ролна 389. 13706.

¹⁸ *Petranović B.* Jugoslavija: 1918–1984: zbirka dokumenata / B. Petranović, M. Zečević. Beograd, 1985. S. 264.

парламента после 10 часов утра 7 января запрещался вход всем депутатам, включая спикера; разрешено было лишь забрать личные вещи¹⁹.

Переход к открытой диктатуре был осуществлен не внезапно, как может показаться на первый взгляд, а после тщательных приготовлений, на что указывали несколько факторов. Среди них – законодательство, вступившее в силу одновременно с провозглашением манифеста. Над этим упорно работали ведущие югославские политики Н. Узунович, В. Маринкович и М. Сршкич²⁰. Сложно сказать, планировал ли Александр переворот до июньских событий 1928 г., но после них курс был определён окончательно. Некоторые признаки того, что решение об установлении диктатуры было принято до скупщинской стрельбы, прослеживались в назначении военных на гражданские должности в Загребе и Битоле – ключевых центрах недовольства и противостояния режиму, а также в консультациях короля в Париже со своим стратегическим партнером – правительством Франции – относительно перемен во внутренней политике страны и в придворных аудиенциях наиболее влиятельных политиков – В. Мачека, Л. Давидовича, А. Станоевича и С. Прибичевича. Он завуалированно намекал и прямо заявлял партийным лидерам о переходе от парламентаризма к абсолютистскому строю, стремясь склонить их к перевороту²¹.

В этом смысле решающее значение имело расположение Владимира Мачека, лидера Хорватской крестьянской партии, видевшего единственный способ выхода из кризиса в создании внепарламентского правительства, которое «могло бы быть и диктаторским, но работало бы без парламента и назначило выборы только после согласования с ХКП»²². Неудача дипломатической миссии Анте Трумбича в Лондоне (цель которой состояла в получении Хорватией автономных прав) и поддержка, которую монарх получил в Париже в ноябре 1928 г., указывали на то, что при переходе к новому строю со стороны союзников не будут создаваться какие-либо препятствия.

Диктатура, воплощенная в неприкосновенности королевской воли, обеспечивала режиму возможность свести счёты с непреклонными представителями гражданской оппозиции, коммунистами, сепаратистскими силами. Взаимоотношения между королём и влиятельными политиками демонстрировали авторитарность Карагеоргиевича, не терпевшего в своём окружении каких-либо конкурентов, и стремившегося действовать через послушных политиков и преданных военных. Король считал, что может самостоятельно осуществить национальную консолидацию, опираясь на войско, одним махом разрешив противоречия объективного развития и этнической пестроты. Он был уверен: десяти лет, прожитых под общей государственной крышей, достаточно для воплощения в жизнь идеологии интегрального югославизма.

Судя по всему, при установлении неограниченной власти Александр в большей степени опасался реакции сербов, чем хорватов, памятуя о судь-

---

¹⁹ Љбарас Н. Uspostavljanje šestojanuarskog režima... S. 190.

²⁰ Глигоричевић Б. Краљ Александар Карађорђевић. Српско-хрватски спор... С. 356.

²¹ Stojkov T. Opozicija u vreme љestojanuarske diktature... S. 54–55.

²² Там же.

бе предшественника своего отца из династии Обреновичей, да и в целом традицию «сечения голов» вождей в истории Сербии. Что касается оппозиции во главе с Мачеком, диктатура не ощутила какого-либо серьёзного сопротивления с её стороны. Весьма характерными были слова хорватского лидера насчёт отмены парламентаризма: «Жилет сегодня расстёгнут, и теперь необходимо его только правильно застегнуть на все пуговицы»²³. При этом считалось, что наконец-то созданы условия для соглашения между королём и хорватами, без участия сербских политических партий. Но, как оказалось, вместо возможного взаимопонимания курс двора был направлен на «суперцентрализм» с «абсолютным порядком и дисциплиной»²⁴.

Принятый 6 января 1929 г. Закон о защите гражданской безопасности и порядка в государстве запрещал и распускал все объединения и партии, носившие «религиозный или племенной характер», тогда как появление новых или сохранение части уже существующих прямо зависели от административных органов, в первую очередь – от великого жупана области²⁵. Расширен был Закон о прессе от 1925 г. (значительно усиливалась цензура) и принят Закон о государственном суде для защиты государства. Общинные администрации самоуправления в землях заменялись преданными режиму управами²⁶. Последнее нововведение сводило на нет автономные права отдельных территорий королевства, укрепляя унитаризм.

Социальную и политическую опору диктатуры Александр I видел в армии и её командных кадрах, группах «придворных» демократов и радикалов, послушной государственной администрации, органах правосудия, полиции и жандармерии, буржуазии. И хотя официально армия не участвовала в политике, военный фактор традиционно в ней присутствовал.

Во всяком случае, мандат на формирование кабинета министров король доверил своему фавориту генералу Петру Живковичу как «человеку, совершенно не причастному к партиям»²⁷. Выбор, павший на командира Королевской гвардии, руководителя организации «Белая рука», демонстрировавшего верность династии ещё со времен процесса над полковником Аписом, многие современники, особенно офицеры, оценили как большую ошибку²⁸. Его считали «придворным офицером»²⁹, обвиняли в гомосексуализме, связях с женщинами сомнительной репутации, чрезмерной любви к власти³⁰. Патриарх Гаврил о премьер-министре писал так: «Он всю жизнь был военным и жил в казарме, не знал политической жизни и тонкостей политики. Научился лишь командовать подчиненными и младшими офицерами. Это создавало репутацию резкого чиновника, что ему мешало. В

²³ *Maček V.* In the Struggle for Freedom. New York, 1957. P. 122.

²⁴ *Димић Љ.* Историја српске државности. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001. С. 137.

²⁵ *Službene novine Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca.* 1929. 6 januar.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ *Bjelajac M.* Vojska u Kraljevini SHS/Jugoslaviji. Beograd, 1994. S. 135–141.

²⁹ *Avramovski T.* Izveštaji Britanskog poslanstva 1921–1938. Zagreb, 1988. T. I. S. 632.

³⁰ Архив Српске академије наука и уметности. Александар Благојевић. Грађе за биографију генерала Петра Живковића. Бр. 13609.

отношениях с людьми он отдавал предпочтение казарменному стилю... Уверен, что может быстро и легко, через колено, решать политические и государственные дела... Не владеет ораторскими способностями и не может изложить народу программу своего правительства...»³¹. Тем не менее это была ключевая фигура режима после монарха: Живкович назначал на должности гражданских чиновников низшее офицерство, укрепляя этим военный характер диктатуры³².

В новых обстоятельствах король опирался также на «старых» людей и проверенных политиков. Такая ситуация была вызвана нехваткой профессиональных чиновников в КСХС и, как следствие, – отсутствием альтернативы. В первый «внепартийный» кабинет вошли видные деятели предыдущего парламентского периода – «придворные» радикалы Никола Узунвич, Милан Сршкич, Урош Круль, Лазар Радивоевич и Стеван Савкович, демократы Воислав Маринкович и Коста Кумануди, глава словенских клерикалов Антон Корошец, а также хорваты Ото Франгеш (министр сельского хозяйства), Славко Шврлюга (министр финансов), Тугомир Алаупович (министр веры), Желимир Мажуранич (министр торговли) и Мате Дринкович (министр социальной политики). Генерал Стеван Хаджич получил портфель министра армии и флота³³.

Включением в состав кабинета министров пяти хорватов и словенца правительство получило истинно югославский характер, к чему так стремился Александр³⁴. Впервые в нём были представлены три государствообразующих народа, что создавало впечатление консенсуса с целью национального единения и постепенного преодоления кризиса, в котором оказалась страна. Одновременно обеспечивалась поддержка финансовых кругов Хорватии, ибо интересы капитала перевешивали национальную рознь: С. Шврлюга был председателем Загребской биржи и вице-президентом Объединения хорватских промышленников, руководство которого враждебно относилось к ХКП; Ж. Мажуранич – юристом, представлявшим интересы крупных компаний. Одной из уступок хорватским оппозиционерам стало разрешение оставить на своих должностях ранее избранных чиновников в областных, общинных и городских исполнительных органах (формально их переназначили), которые переставали быть выборными³⁵.

Рядовые граждане, в большинстве необразованные, воспринимали государство через коррумпированную и плохо организованную бюрократию, медленное правосудие, затягивающее рассмотрение дел на годы, а также бездеятельный парламент, поэтому переход к новому государственному строю принимался с надеждой на улучшения³⁶. Более того, многие политики в от-

---

³¹ Мемоари патриjarха српског Гаврила. Београд, 1995. С. 31.

³² А.Ј. Фонд 138 (Министарски Савет). Фасцикла 1. 1.

³³ *Глигорјевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић. Српско-хрватски спор... С. 357.

³⁴ Политика. 1929. 17 јануар.

³⁵ *Boban Lj.* Маџек и политика НСС-а 1928–1941. Zagreb, 1974. S. 46.

³⁶ *Boban Lj.* Zagrebačke punktacije // Istorija 20. veka, Zbornik radova. 1962. № 4. S. 309.

крытой диктатуре увидели спасение страны от раскола³⁷, а некоторые общественные и политические деятели, вроде бывшего мэра Сплита Йосипа Смодлаки, оценивали переворот как начало выхода из кризиса³⁸.

Смена режима особенно сильно повлияла на рейтинг популярности короля среди католиков – он стал «хорватским идиолом»³⁹. Члены распущенной заградской Скупщины даже отправили в столицу многочисленную делегацию «высказать преданность королю»⁴⁰. Британский консул в Загребе К. Боден 23 января сообщил в Форин офис: большинство хорватов и словенцев довольны нововведениями, но при этом они убеждены, что в планах «белградских политиков» – работа над созданием «Великой Сербии». Простое население пречанских земель свято верило в «добрые намерения» короля, а на своих земляков надеялись как на «возможных федералистов», которые смогут использовать свое влияние в общегосударственных делах.

В Боснии изменения тоже были приняты хорошо. Рейз-ул-улем (глава исламской общины) говорил, что новый строй мусульмане одобрили, так как появилась надежда «повернуть жизнь к лучшему»⁴¹. И на родине Карагеоргиевичей действия монарха получили поддержку, хотя лондонская «Таймс» отмечала, что авторитарная идея не популярна в Сербии, а сербы – «демократы по темпераменту»⁴². Народ был настроен прежде всего против Скупщины, ассоциировавшейся с хаосом и бездельем.

Корреспонденты «Политики» сообщали из Битола, Струмицы и Штипа (Македония), что манифест принят «с неожиданным энтузиазмом»; в Новом Саде воцарилось «всеобщее искреннее и сердечное воодушевление», тогда как жители Сплита ощутили «большое облегчение после тяжелой ситуации, сложившейся за долгие годы»⁴³. Интеллигенция, армия, Сербская православная, Римско-католическая церкви поддерживали действия монарха. Газеты призывали не ностальгировать по парламентаризму, разрушавшему страну⁴⁴. Правительству и лично Александру приходили тысячи телеграмм поддержки⁴⁵. Таким образом, в первые месяцы «нового курса» король имел наибольшую поддержку со времен провозглашения КСХС⁴⁶.

Демократическая партия из-за вхождения К. Кумануди и В. Маринковича в правительство разделилась на группы, одна из которых поддерживала диктатуру, а вторая во главе с Л. Давидовичем и М. Гролом была настроена враждебно. Радикалы своё недовольство выразили исклю-

³⁷ Boban Lj. Prilozi za biografiju Ante Trumbića u vrijeme šestojanuarskog režima (1929–1935) // Historijski zbornik. 1968–1969. № 1–4. S. 3.

³⁸ R. W. Seton-Watson i Jugosloveni. Korespondencija 1906–1941. Zagreb-London, 1976. T. 2. S. 186.

³⁹ АЈ. Фонд 371 (ФО). Ролна 389. 13706.

⁴⁰ Глигорјевић Б. Краљ Александар Карађорђевић у европској политици... С. 188.

⁴¹ Политика. 1929. 17 јануар.

⁴² Цит. по: Pavlović K. Vojislav Marinković i njegovo doba... S. 41.

⁴³ Глигорјевић Б. Краљ Александар Карађорђевић у европској политици... С. 188.

⁴⁴ Политика. 1929. 27 јануар.

⁴⁵ АЈ. Фонд 74 (Dvor KJ). Фасцикла 14. 26.

⁴⁶ АЈ. Фонд 371 (ФО). Ролна 389. 13706.

чением из главного комитета однопартийцев, вошедших в кабинет П. Живковича⁴⁷. Тем не менее лидеры партий, оставшихся в оппозиции, вяло отреагировали на запрет организованной политической жизни⁴⁸.

Между тем, согласно Закону о защите гражданской безопасности и порядка в государстве, на протяжении января официально запрещалась деятельность всех партий: их имущество было опечатано, а архивы конфискованы. Югославская мусульманская организация (ЮМО) перестала существовать 12 января⁴⁹, Хорватская крестьянская партия – 21-го⁵⁰. Словенская народная и Словенская кметская партии исчезли из политики на день позже, а Народная радикальная и Демократическая партии, Союз земледельцев – 24 числа того же месяца⁵¹. Ликвидированы были даже Женская партия и Сионистская организация⁵². В марте 1929 г. роспуску подлежали Организация югославских националистов, Сербская национальная молодежь, Хорватская национальная молодежь⁵³. Национальные сокольские общества в конце года были заменены единым Соко Королевства Югославия⁵⁴. Следствием таких событий стало усиление работы общественных организаций культурно-просветительного или спортивного толка. С их помощью поддерживался контакт с населением. Например, руководство ЮМО в Боснии использовало «Народную опору» и мероприятия, организованные этим объединением, чтобы контролировать настроения мусульманских масс⁵⁵; ХКП действовала через различные хозяйственные, финансовые, культурные и кооперативные организации⁵⁶. Запрет и замирение политической жизни в большей степени ударили по сербским партиям, привыкшим к предвыборной борьбе и парламентской работе, чем по ХКП, которая с 1929 г. обрела вид панхорватского народного движения⁵⁷. Согласно М. Стоядиновичу, одному из лидеров радикалов, партии быстро «погрузились в подполье»⁵⁸.

В начале июля 1929 г. кабинет П. Живковича помпезно оповестил о «достижении больших успехов»⁵⁹. К главным заслугам правительства отнесли реорганизацию государственной администрации, уменьшение количества министерств, люстрацию чиновников, увольнение коррумпирован-

---

⁴⁷ *Pavlović K.* Vojislav Marinković i njegovo doba... S. 39.

⁴⁸ *Meljtrović I.* Uspomene na političke ljude i događaje. Buenos Aires, 1961. S. 183.

⁴⁹ Политика. 1929. 13 јануар.

⁵⁰ Политика. 1929. 22 јануар.

⁵¹ Политика. 1929. 25 јануар.

⁵² Политика. 1929. 26 јануар.

⁵³ Политика. 1929. 10 март.

⁵⁴ *Butić N.* Sokoli. Ideologija u fizičkoj kulturi Kraljevine Jugoslavije 1929–1941. Beograd, 1991. S. 37.

⁵⁵ *Ketura I.* Muslimansko kulturno-prosvjetno društvo “Narodna uzdanica” u uslovima ljestojanuarske diktature // Prilozi. 1989. № 24. S. 172.

⁵⁶ *Stojkov T.* Opozicija u vreme ljestojanuarske diktature... S. 95

⁵⁷ *Končar R.* Opozicione partije i autonomija Vojvodine 1929–1941. Beograd, 1995. S. 49.

⁵⁸ *Stojadinović M.* Ni rat ni pakt. Rijeka, 1970. S. 259.

⁵⁹ *Димић Љ., Жутућ Н., Исаиловић Б.* Записници са седница Министарског савета 1929–1931. Београд, 2002. С. 64.

ных и недостойных служащих⁶⁰. Самым важным достижением считалась унификация законодательной базы⁶¹. За первые шесть месяцев работы было принято 132 закона⁶², среди которых единый Уголовный и судебный кодексы для всей территории КСХС. Создан был и Верховный законодательный совет как контролирующий орган, задача которого – с профессиональной и юридической точки зрения рассматривать законопроекты⁶³.

Идея национального унитаризма воплотилась в законе от 3 октября 1929 г., в котором прописывалось новое название государства – Югославия, а также её раздел на девять административно-территориальных единиц – бановин. Во главе их в качестве представителя верховной власти и начальника государственной администрации стоял бан, назначаемый королем по предложению кабинета министров. Если ранее страна делилась на 33 части, то теперь их количество уменьшалось до 9, что свидетельствовало об усилении централизации государственного управления.

При определении новых административных единиц, согласно с официальной идеологией югославизма, не учитывались бывшие названия земель и исторические границы; пределы бановин устанавливались по географически-экономическому принципу, а названия давались по топонимам рек. Территория Хорватии с Далмацией была разделена на две бановины: Савскую и Приморскую. Части Боснии и Герцеговины вошли в состав четырех (Врбарскую, Дринскую, Приморскую и Зетскую), а Сербии – пяти бановин: Дунайскую, Моравскую, Вардарскую, Дринскую и Зетскую (вместе с некоторыми территориями БиГ). Словения, Македония и Черногория остались целостными в Дравской, Вардарской и Зетской бановинах соответственно. Как видим, новое административно-территориальное деление учитывало национальные интересы словенцев и хорватов, а прежде всего – сербов. Если в Дравской бановине объединены были все словенцы, в Савской и Приморской – большинство оставалось за хорватами, то в пяти свыше половины населения составляли сербы⁶⁴.

Вопреки утверждениям советских авторов, не вызывает сомнения тот факт, что новый строй сначала получил одобрение большинства граждан КСХС – это отмечал даже оппозиционный журнал «Новая Европа»⁶⁵. Несмотря на то, что новый режим отменил гражданские права: свободу общественной мысли, право объединений, собраний и договоров⁶⁶. Но со временем население начало отворачиваться от режима, не ощущая плодотворности изменений, видя у власти большое количество «неспособных к работе, коррумпированных, недобросовестных, неквалифицированных и

---

⁶⁰ *Dobrivojević I.* Državna represija u dobu diktature kralja Aleksandra 1929–1935. Beograd, 2006. S. 57.

⁶¹ Политика. 1929. 7 јул.

⁶² *Димић Љ., Жужић Н., Исаиловић Б.* Оп. cit. С. 353.

⁶³ *Глигоријевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић у европској политици... С. 183.

⁶⁴ Там же. С. 192.

⁶⁵ Nova Европа. 1929. 11 februar.

⁶⁶ *Глигоријевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић у европској политици... С. 183.

ненужных чиновников»⁶⁷, как отмечал в одном из ежеквартальных отчетов за 1929 г. английский посол Г. Кеннард.

Следовательно, замена парламентского режима открытой королевской диктатурой была осуществлена Александром I Карагеоргиевичем с целью сохранения целостности страны и преодоления политического кризиса, до предела обострившегося в 1928 г. Переворот поддержало большинство населения и политиков. Главной проблемой, обусловившей неудачу нового строя в недалеком будущем, было сохранение на руководящих должностях бывших партийных лидеров, неспособных отказаться от своих амбиций. Отмена местного самоуправления, а также выборных органов, назначение «своих» людей на все ключевые должности не помогли достичь желаемого – стабильности. Запрет деятельности политических партий и парламента как «посредников между королем и народом» привёл к потере контакта монарха со своими подданными. В конечном итоге перестройкой административных единиц, направленном на усиление централизации, и сменой названия страны не удалось расширить социальную базу авторитарного режима, контролируемого небольшой группой идеалистов интегрального югославизма.

Список литературы:

1. *Avramovski Ђ. Izveštaji Britanskog poslanstva 1921–1938. Zagreb, 1988. T. 1.*
2. *Bjelajac M. Vojska u Kraljevini SHS/Jugoslaviji. Beograd, 1994.*
3. *Boban Lj. Maček i politika HSS-a 1928–1941. Zagreb, 1974. Pavlović K. S. Vojislav Marinković i njegovo doba (1876–1935). London, 1955. T. 2.*
4. *Boban Lj. Prilozi za biografiju Ante Trumbića u vrijeme šestojanuarskog režima (1929–1935) // Historijski zbornik. 1968–1969. № 1–4.*
5. *Boban Lj. Zagrebačke punktacije // Istorija 20.veka, Zbornik radova. 1962. № 4.*
6. *Глигоријевић Б. Краљ Александар Карађорђевић. Српско-хрватски спор. Београд, 2002.*
7. *Глигоријевић Б. Краљ Александар Карађорђевић. У европској политими. Београд, 2002.*
8. *Димић Љ. Историја српске државности. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001.*
9. *Димић Љ., Жужић Н., Исаиловић Б. Записници са седница Министарског савета 1929–1931. Београд, 2002.*
10. *Dobrivojević I. Državna represija u dobu diktature kralja Aleksandra 1929–1935. Beograd, 2006.*
11. *Казимировић В. Србија и Југославија, 1914–1945. Крагујевац, 1995. Књ. 2.*
12. *Кеттура И. Muslimansko kulturno-prosvjetno društvo “Narodna uzdanica” u uslovima šestojanuarske diktature // Prilozi. 1989. № 24.*
13. *Končar R. Opozicione partije i autonomija Vojvodine 1929–1941. Beograd, 1995.*
14. *Maček V. In the Struggle for Freedom. New York, 1957.*

---

⁶⁷ АЈ. Фонд 371 (FO). Ролна 389. 13707.

15. *Petranović B.* Jugoslavija: 1918–1984: zbirka dokumenata / B. Petranović, M. Zečević. Beograd, 1985.
16. *Љбарас N.* Uspostavljanje љестојануарског рећима 1929. године са посебним освртом на Босну и Херцеговину. Сарајево, 1975.
17. *Stojadinović M.* Ни рат ни пакт. Ријека, 1970.
18. *Stojkov T.* Опозиција у време љестојануарске диктатуре. Београд, 1969.
19. *Ћутић N.* Sokoli. Идеологија у физићкој култури Краљевине Југославије 1929–1941. Београд, 1991.

COUP D'ETAT 1929 IN THE KINGDOM OF SERBS, CROATS AND SLOVENES

V. A. Gryanik

The V. N. Karazin Kharkiv National University, the Dept. of Modern and Contemporary History

Covered causes coup January 6, 1929 in the Kingdom, which replaced the parliamentary regime open dictatorship of King Alexander Karadjordjevic. Analyzed legislation which laid the foundations of an authoritarian regime, disclosed the contents of the administrative-territorial reform and the political meaning of the name change of the state.

Keywords: *coup, the royal dictatorship, authoritarianism, integral Yugoslavism.*

Об авторе:

ГРЯНИК Вадим Александрович – Харьковський національний університет імені В. Н. Каразіна, кафедра нової і новітньої історії, аспірант, e-mail: eghik@ukr.net

About the authors:

GRYANIK Vadim Aleksandrovich – Postgraduate student, the Dept. of Modern and Contemporary History, the Faculty of History, the V. N. Karazin Kharkiv National University (Ukraine, Kharkov, Valter str. 5, fl. 20, 61108), e-mail: eghik@ukr.net

Статья поступила в редакцию 23.04.2013.